АННА АХМАТОВА

Я – ГОЛОС ВАШ...

SHOUT
SHARE
IT

- Ахматова Анна
  -

Ахматова Анна
Дом Шухардиной

Дому было 100 лет. Он принадлежал похожей на рысь купеческой вдове Евдокии Ивановне Шухардиной, странными нарядами которой я любовалась в детстве. Стоял этот дом на углу Широкой улицы и Безымянного переулка (2-ой от вокзала). Говорили, что когда-то, до железной дороги, в этом доме было нечто вроде трактира или заезжего двора при въезде в город. Я обрывала в моей жёлтой комнате обои (слой за слоем), и самый последний был диковинный — ярко-красный. Вот эти обои были в том трактире сто лет назад, — думала я. В подвале жил сапожник Б. Неволин — теперь бы это был кадр исторического фильма.

Этот дом памятнее мне всех домов на свете. В нём прошло моё детство (нижний этаж) и ранняя юность (верхний). Примерно половина моих снов происходит там. Мы уехали из него весной 1905 года. Тогда же он был перестроен и потерял свой старинный вид. Теперь его давно уже нет и на этом месте разведён привокзальный парк или что-то в этом роде. (Я последний раз была в Царском Селе в июне 1944 года.) Нет и дачи Тура («Отрада» или «Новый Херсонес») — три версты от Севастополя, где с семи до тринадцати лет я жила каждое лето и заслужила прозвище «дикой девочки», нет и Слепнева 1911–1917 годов, от которого осталось только это слово под моими стихами в «Белой стае» и «Подорожнике», но, вероятно, это в порядке вещей…

1957

***

…А иногда по этой самой Широкой от вокзала или к вокзалу проходила похоронная процессия невероятной пышности: хор (мальчики) пел ангельскими голосами, гроба не было видно из-под живой зелени и умирающих на морозе цветов. Несли зажженные фонари, священники кадили, маскированные лошади ступали медленно и торжественно. За гробом шли гвардейские офицеры, всегда чем-то напоминающие брата Вронского, то есть «с пьяными открытыми лицами», и господа в цилиндрах. В каретах, следующих за катафалком, сидели важные старухи с приживалками, как бы ожидающие своей очереди, и всё было похоже на описание похорон графини в «Пиковой даме».

И мне (потом, когда я вспоминала эти зрелища) всегда

казалось, что они были частью каких-то огромных похорон всего девятнадцатого века. Так хоронили в 90-х годах последних младших современников Пушкина. Это зрелище при ослепительном снеге и ярком царскосельском солнце — было великолепно, оно же при тогдашнем желтом свете и густой тьме, которая сочилась отовсюду, бывало страшным и даже как бы инфернальным.